

Научная статья

УДК 811.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-129-140>

**НАРОДНО-РАЗГОВОРНАЯ СТИХИЯ КАК ДОМИНАНТА
ИДИОСТИЛЯ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «ОБИТЕЛЬ»)**

**Светлана Алексеевна
Кошарная¹**

**Юлия Сергеевна
Кириченко²**

^{1,2} Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Белгород, Россия

¹ kosharnaja@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

² kirichenko@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4547-4471>

Аннотация. Вопросы идеостилевой специфики художественной речи сегодня являются актуальными и активно разрабатываются в различных аспектах, в том числе – в преломлении к решению задач лингвокультурного характера. В объективе данного исследования – поэма псковского поэта-фронтовика Игоря Николаевича Григорьева «Обитель». В работе производится анализ функционирующих в тексте поэмы репрезентантов народно-разговорной стихии (диалектизм, фольклорных включений) с позиции их идиостилевой направленности. Идиостиль рассматривается нами как «продукт» взаимодействия художественного мышления, языка – во всей совокупности его реализаций и культуры народа. В контексте постижения национальной художественной языковой картины мира представляет интерес анализ идиостиля авторов, которые намеренно, исходя из личной творческой установки, активно вводят в художественный текст лексические репрезентанты внелитературных языковых форм и элементы языка фольклора. Полагая, что в контексте анализа языка художественной литературы является значимым осмысление взаимодействия этнокультурного и индивидуально-авторского начал, мы ставим своей целью не только выявление идиостилевых особенностей текста поэмы И. Григорьева, базирующихся на народно-разговорной традиции, включая фольклорную, но также определение художественной целесообразности использования элементов народно-разговорного языка и намеренного отклонения от литературных норм. Народно-разговорная стихия трактуется нами как лингвокультурный комплекс, включающий языковые единицы, характеризующиеся не только территориальной и функциональной ограниченностью употребления, но и такими признаками, как традиционность, историзм (диалектные и фольклорные формы являют собой языковые реликты предшествующих эпох). В художественном тексте они расширяют палитру своих функций и служат делу создания образа, причем с установкой на художественно-образную конкретизацию персонажа. Кроме того, народность (включая фольклорность) как возможный компонент индивидуально-авторской художественной картины мира всегда отражает значимые фрагменты этнокультурного мировоззрения художника, что подтвердил анализ народно-разговорных элементов в языке поэмы И. Григорьева «Обитель».

Ключевые слова: художественная языковая картина мира, идиостиль, диалектизм, типы диалектизм, фольклорная картина мира, лингвокультурологическая интерпретация художественного текста.

Благодарности. В объективе исследования – поэма псковского поэта-фронтовика Игоря Николаевича Григорьева «Обитель», машинописная рукопись которой была любезно предоставлена другом семьи Григорьевых, ответственным секретарём Фонда памяти поэта-фронтовика Игоря Григорьева, писателем, поэтом, членом Союзов писателей России, Беларуси и Союзного государства Н. В. Советной¹. Авторы выражают глубокую благодарность Наталье Викторовне Советной и Фонду памяти поэта и воина И. Н. Григорьева за предоставленные материалы и подвижническую деятельность.

Для цитирования: Кошарная С. А., Кириченко Ю. С. Народно-разговорная стихия как доминанта идиостиля Игоря Григорьева (на материале поэмы «Обитель») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 129–140. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-129-140>

Сведения об авторах: С. А. Кошарная – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85;

Ю. С. Кириченко – аспирант кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Scientific Article

UDC 811.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-129-140>

DIALECTAL AND FOLKLORE ELEMENTS AS A DOMINANTS OF IGOR GRIGORIEV'S INDIVIDUAL STYLE (BASED ON «THE ABODE»)

Svetlana A. Kosharnaya¹

Yulia S. Kirichenko²

^{1,2} Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

¹ kosharnaja@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

² kirichenko@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4547-4471>

Abstract. Today the issues of individual style specificity of fiction speech are topical. There is an active development of this topic in various aspects, including its reflection on the solution of linguistic and cultural problems. The object of this study is the poem «The abode» by Igor Nikolaevich Grigoriev, the Pskov front-line poet. The work analyzes the representations of the folk-colloquial style functioning in the text of the poem (dialectisms, folklore elements) from the position of their individual style orientation. The authors consider individual style as a «product» of interaction of artistic thinking, language in the totality of its realizations and people's culture. In the context of comprehension of the national artistic linguistic worldview, it is of interest to analyze the individual style of authors who intentionally, based on their personal creative attitude, actively introduce lexical representations of extra-literary language forms and elements of folklore language into the artistic text. Believing that in the context of the fiction language analysis, it is significant to comprehend the interaction of ethno-cultural and individual authorial principles, the authors aim to identify individual features of the I. Grigoriev's poem based on the colloquial tradition, including folklore, and to determine the artistic appropriateness of using elements of colloquial language and deliberate deviation from literary norms.

The authors treat the dialectal and folklore elements as a linguocultural complex including linguistic units characterized not only by territorial and functional limitation of use, but also by such features as traditional nature and historicism (dialect and folklore forms are linguistic relics of previous epochs). In a fiction text, they expand the functions palette and serve the cause of creating an image, with a focus on the artistic and figurative concretization of the character. In addition, folkness (including folklore) as a possible component of the individual-author's artistic picture of the world always reflects significant fragments of the artist's ethno-cultural worldview. The analysis of folk and colloquial elements in the language of I. Grigoriev's poem "The Abode" confirmed this fact.

Keywords: artistic linguistic worldview, individual style, dialecticism, types of dialectisms, folklore worldview, linguoculturological interpretation of a fiction text.

Acknowledgements: The research objective is a poem by the Pskov poet-front-line soldier Igor Nikolaevich Grigoriev "The Monastery", the typewritten manuscript of which was kindly provided by a friend of the Grigoriev family, executive secretary of the Memorial Fund of the poet-front-line soldier Igor Grigoriev, writer, poet, member of the Unions of Writers of Russia, Belarus and the Union State N. V. Sovetna¹. The authors express their deep gratitude to Natalia Viktorovna Sovetna and the Foundation for the Memory of the Poet and Warrior I. N. Grigoriev for the materials provided and their ascetic activities.

For citation: Kosharnaya, SA & Kirichenko YuS 2023, 'Dialectal and Folklore Elements as a Dominants of Igor Grigoriev's Individual Style (Based on «The Abode»)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 129–140, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-129-140> (in Russ.)

Information about the Authors: Svetlana A. Kosharnaya – Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of the Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308007, Russia;

Yulia S. Kirichenko – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308007, Russia.

© Kosharnaya S. A., Kirichenko Yu. S., 2023

Введение

Традиционно исследователи опираются на сформулированное ещё В. В. Виноградовым, прозрачное и конкретное определение понятия «индивидуальный стиль»: «структурно единая и внутренне связанная система средств и форм словесного выражения» [2, с. 105]. В то же время эта «единая система» может включать в себя весьма разнородный материал: не только фонд сугубо литературного тезауруса, но и элементы внелитературных вариантов национального языка. Такие необщепотребительные лексемы оказываются в разной степени представленными в художественных текстах, исходя из сюжетной направленности произведения и творческих установок самого автора. Этот синергетический комплекс разнородных по своему генезису и сфере функционирования языковых единиц и структур напрямую соотносится с понятием языковой личности как «продюцента» художественного текста. Иными словами, идиоустиль – это индивидуальный стиль автора текста (текстов) во всем многообразии единстве его проявлений (на всех уровнях языка, включая стилистические особенности). Научная лингвистическая феноменология второй половины XX – начала XXI в. зачастую обуславливает отказ учёных от употребления по отношению к индивидуально-авторскому текстовому и дискурсивному образованию терминологического сочетания «художественный стиль» и закрепление за ним термина «идиоустиль» (вслед за Н. А. Мещерским, Д. Н. Шмелёвым, В. Д. Бондалетовым и др.). Не последнюю роль в этом сыграла общая направленность научно-лингвистического анализа на субъекта речи и языка (языковую личность).

В этом контексте представляет интерес анализ идиоустилья авторов, которые намеренно, исходя из личной творческой установки, активно вводят в художественный текст лексические репрезентанты внелитературных языковых форм и элементы языка фольклора. Чаще всего это наблюдается в прозаических текстах, поскольку поэзия априори рассматривается как «высшая форма существования языка» (И. А. Бродский). Тем интереснее и уникальнее поэтический организованный текст, включающий «непоэтические» элементы, что и обусловило наше обращение к творчеству самобытного псковского поэта Игоря Григорьева (1923 – 1996 гг.). Так иногда случайная встреча с близкими поэта и – как следствие – с его наследием оказывается отправной точкой для научного исследования.

Материалы и методы

Не вызывает сомнения, что «для передачи определенного содержания во многих случаях устойчиво закреплены соответствующие языковые средства, так что нередко возможности передачи одного и того же содержания «различными средствами» оказываются крайне ограниченными. И в основном это касается именно стилистических возможностей» [19, с. 6], более того, «язык художественной литературы включает в себя такие средства и способы выражения, оценка которых с точки зрения норм литературного языка явно недостаточна» [19, с. 33].

Исходя из этого, в нашей работе мы сосредоточили своё внимание на языковых средствах, которые ярко маркируют идиоустиль И. Григорьева, не являясь при этом элементами литературного языка. «Игорь Григорьев – поэт-фронтовик, патриот, для которого народная речь была той языковой “колыбелью”, в которой созрела языковая личность будущего писателя и поэта» [6], говорившего о себе: «Человек я верующий, русский, деревенский...» [3]. «В его творчестве нашла отражение целая эпоха истории Псковского края – Великая Отечественная война. А его судьбу можно прочесть уже по названиям книг: “Родимые дали”, “Зори да версты”, <...> “Русский урок”. <...> И все соединяет в себе “Боль”: за близких, за родные города и веси, за Россию... <...> Судьба России – центральная тема в его поэзии, нашедшая свое отражение в Великой Отечественной войне, опалившей юность, навек оставшейся пулями под сердцем и неизбывной болью в самом сердце... <...> Игорь Григорьев – явле-

ние уникальное, исключительное не только для псковской, но и для русской советской литературы. Это поэт, главным мериллом жизни которого явилась Любовь: к природе, к людям, к жизни, к многострадальной России» [3].

Таким образом, выбор в качестве объекта лингвокультурологического исследования языковой картины мира и идиостиля И. Григорьева, в частности – семантических и функциональных особенностей репрезентантов народно-разговорной стихии (диалектизмов, этнографизмов, фольклорно отмеченной лексики) в ткани поэмы «Обитель», не случаен и обусловлен рядом лингвистических и экстралингвистических факторов: актуальностью проблематики, связанной с идиостилем и с языковой личностью создателя текста, в целом и с малоизученностью творческого наследия И. Григорьева – яркого представителя регионально «отмеченной» национальной русской литературы. Писатель был носителем не только русского литературного языка, но и его диалектных форм, поскольку рос в народно-языковой среде, в непосредственном контакте с носителями говоров (И. Григорьев родился на хуторе около деревни Ситовичи (ныне – Порховский район Псковской области) [13, с. 8–9]), и анализ народно-разговорных элементов в языке поэмы И. Григорьева «Обитель» позволяет определить художественную целесообразность их использования и намеренного отклонения от литературных норм.

Исследование языка автора является и актуальным, и перспективным: в частности, к языковому материалу поэмы может быть применен *метод лингвокультурологической интерпретации* языковых фактов, который «предполагает <...> изучение в пределах того или иного этнокультурного сообщества процессов языкотворчества, результирующих посредством языковых единиц разного уровня формирование и взаимодействие» индивидуально-авторской и этнокультурной картин мира [8].

Результаты

Известно, что «именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым параметрам модели мира» [18, с. 3]. И это утверждение справедливо как для национальной картины мира, так и для индивидуально-авторской. Так, по нашим наблюдениям, язык поэма И. Григорьева «Обитель» вбирает лексику, характерную для живой речи его земляков, элементы фольклорно-языковой картины мира, отражая историю русского языка и русской национальной культуры. «Это не просто языковые инкрустации, служащие для передачи местного колорита и отдельных речевых характеристик персонажей, а целая система, обнаруживающая богатую внутреннюю структуру и репрезентирующая установку автора на традицию, что характеризует И. Григорьева как подлинно народного и любящего свою землю человека» [6, с. 29].

Обсуждение результатов

Народно-разговорная стихия в поэме И. Григорьева «Обитель» представлена разнообразными лексическими пластами. Значительное место здесь занимают единицы диалектного характера. Диалектизмы являются важными составляющими художественной языковой картины автора и – с учетом их регулярности в его произведениях – могут быть отнесены к доминантам идиостиля поэта. Использование диалектной лексики, причём с проявлением диалектного характера языковых единиц на всех уровнях языка (фонетические диалектизмы, морфологические, словообразовательные, семантические и собственно лексические), эксплицирует знание автором народных говоров его малой родины, стремление к наиболее точному и детализированному лиро-эпическому изображению действительности, крестьянского быта, жизни российской глубинки, отражая подлинную народность мировоззрения поэта. Об этом свидетельствует и самый значительный на сегодняшний день лексикографический труд, посвященный творчеству И. Григорьева, – трёхтомный

«Словарь эпитетов Игоря Григорьева», автором которого является белорусский лексикограф А. П. Бесперстых.

Текст поэмы И. Григорьева представляет собой органичный симбиоз литературного языка, элементов народных говоров, фольклорных включений, в основе которых нередко также лежит диалектное слово. В ходе анализа фактического материала мы придерживаемся традиционной точки зрения на диалектизм, представленной в работах Н. А. Мещерского, В. В. Колесова, О. И. Блиновой, Е. И. Дибровой, Н. А. Николиной и др. исследователей, и классифицируем диалектные единицы по их собственно языковым отличительным особенностям.

Соответственно, исследуемые языковые единицы группируются нами в ряд лексических кластеров.

1. Первую группу составили **лексико-фонетические диалектные единицы**. Заметим, что далеко не всегда и не во всех произведениях, даже ориентированных на живую народную речь, авторам удаётся передать фонетические особенности звучащего народного слова (сказывается влияние письменного языка). Ограничения, связанные с необходимостью следования орфографическим нормам, детерминируют тот факт, что фонетические «приметы» народных говоров, обнаруженные в тексте поэмы, немногочисленны, но весьма информативны.

В области согласных в тексте поэмы запечатлены *комбинаторные процессы*, обусловившие изменения произношения звуков в народном говоре:

– метатеза: *ведьмедь* (*Боюсь волков и ведьмедей!*), ср. медведь. Если рассматривать данный диалектный вариант в диахронии, то его следует признать исходным: «**Ведмѣдъ**, я, м. Медведь. Медын. Калуж., 1849. *Не слыхали ль волков, бирюков, ведмедей?* Калуж. Тул., Моск. <...>. *Ведмедъ силен, а все же кольцо в носу носит.* <...> **Пск.**, Олон., Казан., Оренб. *Смотрю – ведмедь лезет.* Урал. Сиб. <...>» [15, т. 4, с. 92];

– диереза: – *безвѣсно* (*Зима безвѣсно замела*, данное слово А. П. Бесперстых полагает окказионализмом [1, т. 3]) – ‘безвестно’, при этом отметим как диалектное явление, свойственное северным и некоторым среднерусским говорам, немотивированный переход бывшего ѣ (ВѢСТЬ) – ныне Е в положении после мягкого согласного, перед твёрдым, под ударением – в О (немотивированная III-я лабиализация).

Отмечены факты *чередований*, обусловленных наличием или отсутствием палатализации: *припужать*, ср. *припугнуть* ([г]/[ж], здесь же наблюдаются различия в области словообразовательно структуры слов (отсутствие суффикса –ну-); *земь*, ср. *земля* (*И земь – под громовым навесом...; И земь, любовью повита...; Ты трижды земь облобызала...*), причём речь не идёт о семантическом диалектном варианте *земь* ‘земляной пол’.

Автор отражает на письме *позиционную редукцию* звуков, свойственную устной речи: *мово* (*Мово Сидорку и Тимошу ...*), ср. *моего*; *нейти* (*Нейти ж на снег без тех пожиток...*) – *не идти* (в этом можно усмотреть языковую традицию: подобным образом сформировалось литературное слово *нет* из «не есть»). Диалектный статус таких образований неоднозначен, поскольку они имеют широкий характер распространения и сближаются с просторечием, однако более характерны всё же речи сельских жителей и народно-песенной культуре, ср. в народной донской казачьей песне: *По колечку друга я узнала, / чья у ворона рука. / Это-то рука, рука мово милого, / Знать, убит он на войне* («Чёрный ворон»).

В тексте поэмы И. Григорьева присутствуют **фонетические диалектизмы**, отличающиеся от литературных эквивалентов местом ударения (акцентные диалектизмы) и / или фонемным составом.

Акцентные диалектные варианты отмечены в ряду имён прилагательных: *зѣмный* (*Тем стражам зѣмный мой поклон!*), ср. *земно́й*; *ро́дный* (*Что ро́дной*

тетке был бы рад), ср. *родно́й*; в то же время наблюдается и перетяжка ударения на окончание: *псковско́й* (*Не гоготун залетный гусь – / Псковской, Николин сын и Манин...*), ср. *пско́вский*; *шелко́вых* (*Они, как две шелко́вых шали*), ср. *ше́лковых*. В последнем примере фонетический облик прилагательного *шелко́вый* маркирует его принадлежность к русской фольклорно-языковой картине мира. Можно трактовать данный факт как народно-поэтический вариант слова и усматривать намеренную стилизацию текста поэмы под фольклорное произведение.

Диалектизмы, отличающиеся **звуковым составом**, также нередко отсылают читателя к фольклору: *власы* (*Посыпать пеплом бы власы*), ср. полногласный литературный вариант *волосы* (старославянизм с неполногласием нередко присутствует в фольклорных текстах: *И видя чуть одни власы, / Кидается с берегов* («Пастушеская» [13, с. 494])).

В то же время автор использует древнерусский полногласный вариант **ворог**: *ворог* («Бездушен *ворог* и безбожен»), ср. *враг*.

В целом можно говорить об отражении на уровне фонетики текста авторской установки на стилизацию, фольклоризацию поэтического изложения, на следование за народно-песенной традицией, что определенно высвечивает одну из особенностей идиостиля И. Григорьева.

Отклонение от литературной нормы и стремление к архаизации текста поэмы репрезентирует возвратный постфикс *-ся*: *садися* (повел. накл. ед. ч.): *Ну что ж, садися, удружу...* (садись); *Побелки заждалася печка...* (прош. вр., ед. ч., ж.р.; ср. *заждалась*); *И, не ломяся наперед...* (дееприч. наст. вр., ср. *не ломясь*).

Неправильное произношение заимствованных лексем можно лишь условно отнести к диалектным особенностям. В частности, Н. А. Мещерский выносил такие языковые факты, как *антобус*, *гроном* и т. п. за границы диалектной лексики, но тем не менее они являются проявлением народно-разговорной стихии и примыкают к диалектам по признаку территориальной и социальной ограниченности распространения. Между тем, мы не можем оставить их без внимания, поскольку они также репрезентируют установку автора на передачу живой речи сельских жителей: *трахтур* (*Вчерась чуть трахтур не утон*), ср. *трактор* – в данном случае наблюдаем диссимиляцию согласных по способу образования (*кт > хт*), свойственную диалектной речи.

Общий вывод, который здесь можно сделать, заключается в том, что И. Григорьев намеренно включает в свою поэму элементы народно-бытовой и фольклорной языковой картины мира, нередко следуя стилистике народной лирической песни.

2. Словообразовательные диалектизмы в поэме И. Григорьева.

В морфемной структуре слов в тексте поэмы обнаружены следующие изменения:

1) **утрата аффиксов**: *винных* (*С похмелья – все, да нету винных...*) – *виновных*, *виноватых*, *повинных*; *загили* (*Хоть знать бы, где они загили...*) – *загнули* (само слово *загнули* уже несет на себе печать народности (ср. лит. *сгнули*), но здесь поэт идёт дальше, отбирая яркий диалектный произносительный вариант, в котором отсутствует суффикс одномоментности действия *-ну-* и задействована приставка *за-*); *пожалте* (*В божницы лезла: – В дом пожалте!*) – *пожалуйте* (редукция произношения приводит к утрате суффиксального элемента, что репрезентирует факт разговорного произношения и находит отражение в авторском тексте);

2) **прибавление аффиксов**: *вчерась* (*Вчерась чуть трахтур не утон*), ср. лит. *вчера* (отметим для сравнения такие известные в северных и среднерусских говорах диалектные формы наречий с постфиксом *-сь*, как *лонись*, *надьсь* и подоб.); *дивь[j]ë* (*Теперь в деревне жить дивьë...*) – *диво*, *дивно* (наречие *дивьë* активно упо-

требляется в значении 'хорошо, очень хорошо' в говорах Русского Севера и в средне-русских окающих говорах); **оченно** – с двумя суффиксами: -н- и -о- (*Впряглись уж оченно железно...*) – **очень**; **повстречань[ъ]е** (*Благословенно повстречанье...*) – существительное от глагола *повстречать*. И. А. Осовецкий писал об этой особенности диалектного словообразования: «Словообразовательная модель как бы наращивает строевые элементы, в результате чего образуются слова с большим количеством аффиксов, чем соответствующие слова литературного языка. Такие слова в значительной степени участвуют в формировании специфики лексического фонда говора» [12, с. 112].

3) **Замена аффиксов: восплачешь** (*Ишас не скрутит – не восплачешь...*) – **заплачешь** (народно-песенный префикс *вос-* с начинательным значением вновь отсылает нас к фольклорной картине мира: *восхотеть* и подоб.); **детва** (собират.) (*К тому ж, когда детвы шесть ртов...*) – **детвора**; **неминучий** (*Прекрасный, страшный, неминучий?*) – перед нами вновь яркий фольклоризм, ср. использование того же прилагательного в стилизованной под народную песню на стихи М. Исаковского «До свиданья, города и хаты!»: *И врагу от серти неминучей / От своей могилы не уйти!*; ср. лит. *неминуемый*; **перегоди** (*Повремени денёк-другой, /<...> Перегоди уж, дорогой*) – **погоди**; **порушит** (*Порушат всласть и пожалеют...*) – префикс *по-* в значении завершения какого-л. действия характерен разговорной речи: **поделать** и даже **поподелать** (с удвоением – в белгородских говорах) и т.п., ср. лит. **разрушить**; **пригас** (*И зрак пригас, и ноздри сухи...*) – поэт употребляет приставку *при-* со значением неполноты действия, в чём снова просматривается его стремление создать максимально приближенный к народно-поэтической традиции текст, ср. лит. **угас**; **роблив** (*робливый*) (*Роблив, что вяхирь-воркунец...*) – А. П. Бесперстых трактует данное слово как областное [1, т. 1, с. 111], ср. лит. **робок** (*робкий*); **сронил** (*Сронили косточку спроста...*) – то же встречаем в народной песне: *сронила колечко*, ср. лит. **уронил**.

4) **Присоединение характерных живой разговорной и фольклорно-языковой стихии аффиксов: раскаким** (*Зовись хоть раскаким учёным...*) – **каким**; **распойму** (*Не распойму чегой-то вдруг...*) – **пойму**. Известно, что приставка *раз-/рас-* вносит в семантику глагола значение движения в разные стороны: *разойтись*, *разбежаться* и т.д.; разделения чего-л., кого-л.: *разделить*, *разбить*; *рассорить*; однако в фольклорных текстах эта приставка имеет особое значение: здесь «приставка *рас-* в совокупности с постфиксом *-ся* создает значение интенсивного начала процесса» [4, с. 120], кроме того, данная приставка вносит в значение именных частей речи значение усилительности, ср.: *распрекрасный*, что мы наблюдаем в словоупотреблениях, внесенных И. Григорьевым в текст поэмы.

Используются **характерные фольклору и говорам глагольные приставки: внадолге** (*Внадолге: суток через семь*); **вызнять** (*Не вызнать цену той цены!*) – **узнать**; **наспоришь** (*Не много с совестью наспоришь...*) – **поспоришь**; **погаснули** (*Погаснули, как хмель привычный...*) – **погасли**; **размочь** (*Да развязалась, размогла...*) – **смочь** и др.

В тексте поэмы имеет место традиционное для фольклора употребление суффиксов уменьшительности (ср: *письмецо*, *колечко* и т.п.): **гармонька** (*Пять душ гудели да гармонька*) – **гармонь**; **дворок** (*А ведь какой стоял дворок*) – **двор**; **костки** (*Да ванна костки просквозила*) – **кости**; **парнятки** (*Парняткам-восьмилеткам малым...*) – с уменьшит.-ласкат. суффиксами *-ят-к-* (ср. *ребятки*, *котятки* и т.п.) – **парни**; **пивцо** (*И забавляется пивцом...*) – **пиво**; **чашишко** (*Смекай: чашиком не проймешь*) – **чай** и др. Введение в морфемную структуру суффиксов уменьшительности вновь создает иллюзию народности текста, репрезентируя уже обозначенную установку автора на фольклорность.

В поэме также присутствуют лексемы с суффиксом увеличительности, характерные фольклору и народно-разговорной стихии в целом: *вьюжище* (*Пурги, буранов, вьюжищ, хвилей*) – ‘сильная вьюга’; *рожище* (*Рожжищи – в снегу: надорвался*) – груб. ‘рожа’; *ямна* (*Бездушье – ямина без дна*) – ‘большая, глубокая яма’.

Отметим, что суффикс *-ин-* в системах говоров является многозначным: 1) значение увеличительности; 2) значение единичности объекта, последнее также наблюдается в тексте поэмы: *елина* (*И не сломал циклоп елину*) – ‘ель’ (ср.: *берёзина, штакетина*).

Усложнение морфемной структуры может приводить к изменению в грамматике слова (в результате возникает синонимия литературного и диалектного слова – морфологический диалектизм): *холодень* (ж.р.) (*Ничуть не чуя холодени*) – *холод* (м.р.), в силу этого не все отмеченные языковые факты могут быть классифицированы однозначно, так как проявляют отличия на разных языковых уровнях.

Помимо прочего, в тексте отмечены результаты неморфологического словообразования, также создающие в поэме флёр устной традиции.

Субстантивация – «способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность *транспозиции*, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» [11, с. 234–235]: *жаль* – *сущ.*, ж.р. (*И нрав, и жаль, и власть являют...*), ср. известное в русских говорах *жаль* – ‘сострадание, сочувствие, жалость; горе, печаль, скорбь, грусть’ [15, т. 9, с. 68] – при лит. *жаль* (*безл.*, в значении *сказ.*, *кого*; ‘чувство жалости, сострадания; грусти, горечи’ [16, т. 1, с. 471]; *прямо* – омонимичное наречию *сущ.*, ср.р. (*А вбок от пряма – буераки...*).

Апеллятивизация – процесс, суть которого заключается «в замене нарицательного имени собственным (или наоборот)» [5, с. 227] и который выступает в качестве одного из источников экспрессивности [17, с. 66]: *Что страшно: много михеёв; Как им, михеям, сходит с рук / Свое? И наше? И державно?*. Первоначально антропоним употребляется в поэме как имя собственное: *К ним кум Михей, уполкомзаг, / Стучался в двери оготело»; – Михеюшка, не погуби! <...> Ведь человек же ты – не зверствуй!; Михей стоял – без малахая, / Зато с наганом па боку*. Переход имени собственного в нарицательное с развитием формы множественного числа передаёт авторскую оценку персонажа как бесчеловечного бюрократа.

В целом кластер **словообразовательных диалектизмов** в поэме И. Григорьева весьма обширен и включает: 1) слова с меньшим количеством морфем по сравнению с литературным вариантом; 2) слова с большим количеством морфем, чем в литературном языке.

3. Грамматические диалектизмы в поэме «Обитель». В ряду грамматических (морфологических) диалектизмов нами обнаружены следующие языковые факты.

В области имён существительных.

1) Изменение родовой принадлежности имён существительных: *побируха* (*А может, добрый побируха...*) – общего рода, ср. лит. *побируха* – жен. р.; уже упомянутая *холодень* – ж.р. (*Ничуть не чуя холодени*) – *холод* (м.р.); *фрукта* – ж.р. (*Как фрукту, обложил налогом*) – лит. *фрукт* (м.р.).

Текст поэмы обнаруживает такое явление диалектной речи, как частичное разрушение категории среднего рода: ед. п., д. п., **ж. р.** *паникадиле* (...той бесовой **паникадиле!**) – в литературном языке существительного *паникадило* – среднего рода – в ед. п. дат. п. имеет форму *паникадилу*. «Существительные среднего рода – группа, слабо маркированная в формальном отношении, так как в большинстве кос-

венных падежей их словоизменительная парадигма совпадает с мужским родом» [10, с. 36]. Кроме того, мы полагаем, что «неустойчивость» среднего рода в русских говорах имеет и лингвокультурологическое объяснение: «средний род, по-видимому, мыслился как менее “определенный”, возможно даже, менее значимый, нежели мужской и женский (в отличие от мужского и женского, средний род, по сути, оказывается непротивопоставленным), как бы нижестоящий» [9, с. 67].

2) Разговорные числовые варианты лексем: *деньга* (К **деньге** сбежал от трудодня...), ср. лит. рл. *деньги; други* («Примите, дорогие **други**...») – *друзья; крылий* – мн. ч. род. п. (*Пурги, буранов, вьюжиц, хвилей, / Да все не то: ветрюга с **крылий**...*) – *крыльев*. Заметим, что в данных случаях мы зачастую наблюдаем стремление автора к архаизации языка: существительное *деньга* в древнерусском языке могло употребляться и в единственном числе; форма множественного числа *други* хронологически предшествует собирательному существительному *друзья* (по происхождению – бывшее собирательное имя существительного ед. ч. жен. р.). Форма *други* может употребляться в русском языке в высоком стиле, в поэтических текстах: *Но не хочу, о **други**, умирать* (А. С. Пушкин «Элегия»).

В области имён прилагательных также отмечены явления, характерные народно-разговорной, включая фольклорный дискурс, стихии.

1) В поэме употребляются характерные фольклорным текстам (в частности, народной песне) стяженные формы имён прилагательных: *Не ждать с верхов **небесну** манну...; Мужи снесли **нещадну** ношу...; На **полну** совесть рвали жили...; Не **светлу** радость – черен страх...; И так **сиреневы** деньки; А по садам **красны** дары*. Такие формы образуются посредством выпадения интервокального <j> с последующим стяжением гласных звуков (иногда после уподобления оказавшихся рядом гласных): [небеснују] → [небеснуу] → [небеснū] → [небесну]; [сирене-выје] → [сиреневыи] → [сиреневы] и т. п.

В то же время отмечено обратное явление: автор употребляет архаичные формы без стяжения: *перво-цм* (Как в сорок **перво-им!** Свят, свят!) – в первом. Однако подобная форма употреблена в поэме лишь один раз.

2) Зафиксировано архаичное явление, связанное с образованием сравнительной степени у прилагательных, отсутствующей в литературном языке: *Лишее не бывает лиха* (от прилагательного *лихой* в значении ‘плохой’).

В области глагольного формообразования обнаружены следующие авторские включения.

3) Отмечены употребление разговорных форм повелительного наклонения, связанное со стремлением к упрощению произношения конца слова (редукция безударного гласного, в том числе после перетяжки ударения на основу): *Сходь к Медведихе за побелкой...* (сходи); *А туркам **гонь** корье дубильно* (*гони*) и подоб.; использование отсутствующих в литературном языке форм повелительного наклонения: *Да в каждом месяце двукратно / Получку с премией **ими**...* (лит. *имей*).

4) В ткань поэмы введены диалектные глагольные формы прошедшего времени *сбёг, побёг, сбегла* и подоб. (*Вот и попёр, вот и **побёг**...; Топтыгин **сбёг** в конце концов...; А я чуть в землю не **сбегла**...*).

5) Наблюдается характерное народным говорам смешение видовых суффиксов деепричастий: деепричастия, образованные от глаголов совершенного вида (*разлюбить, побелить*, диал. *пребыть* – ‘пробывать’), приобретают суффикс несовершенного вида –я, например: *И, спесь-гордыню **разлюбя**...; Так, значит, печку **побеля**...; Пребудя с «ломками» в ладу... и подоб.*

6) Также следует отметить употребительный в северных, уральских, средне-русских (включая псковские) народных говорах деепричастный суффикс –ши (фор-

ма таких деепричастий восходит к древнерусскому краткому причастию прош. вр. муж. р. ед. ч.): *Досель не евши неужели?*; в том числе с возвратным суффиксом: *И побрела, впрягшись в дроги...*

4. Собственно лексические диалектизмы и этнографизмы в поэме «Обитель» немногочисленны (что можно объяснить ориентацией на читателя, которому местная лексика может быть непонятна), но репрезентируют живые особенности псковской речи: *гусак* – ‘гусь’; *кочет, певень* – ‘петух’; *жнитво* – ‘жатва’; *захмычка* – ‘привычка’ и др. Эта намеренная стилизация, имитация речи земляков высвечивает в поэте подлинно народного автора, любившего свою малую родину.

Заключение. Поэма И. Григорьева «Обитель» обнаруживает идиостилевую специфику, «детерминированную активным включением в авторский текст языковых элементов народно-разговорного характера. При этом народно-разговорная стихия выступает здесь как особая страта художественной языковой индивидуально-авторской картины мира в её взаимодействии с этнокультурной языковой картиной мира» [6]. Это лингвокультурное – и одновременно – индивидуально-авторское образование вбирает лексику ограниченного по территориальному признаку и функциональной специфике употребления: диалектизмы, этнографизмы, фольклоризмы, которые в совокупности создают художественный идиостиль автора и выступают его доминантами.

Примечания

1. Полный текст поэмы И. Григорьева «Обитель» составляет 56 машинописных страниц в текстовом редакторе Microsoft Word, размер кегля – 14, шрифт – Times New Roman, междустрочный интервал – 1 пт (одинарный).

Список источников и литературы

1. *Бесперстных А. П.* Словарь эпитетов Игоря Григорьева. Т. 1: А-М. СПб.: Политехника-сервис, 2014. 322 с. ; Т. 3: Наречия и наречные выражения. СПб., 2015. 377 с.
2. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
3. *Голубева А. Е.* Лира его опалена порохом // Псковская правда : электрон. версия газеты. URL: <http://pravdapskov.ru/rubric/6/12174>. Дата публикации: 25.05.2015.
4. *Гриднева (Трофимова) О. А.* Средства и способы реализации семантической оппозиции «много – мало» в региональном фольклоре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 118–121.
5. *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. 376 с.
6. *Кириченко Ю. С.* О функциональных и семантических особенностях диалектизмов в текстах художественных произведений (на материале поэмы И. Григорьева «Обитель») // Казанский вестник молодых учёных. 2018. Т. 2. № 4 (7). С. 27–29.
8. *Кошарная С. А.* Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Кошарная Светлана Алексеевна. Белгород, 2003. 452 с.
9. *Кошарная С. А.* Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во БГУ, 2002. 287 с.
10. *Кудряшова Р. И.* Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа: на материале донских казачьих говоров Волгоградской области : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Кудряшова Римма Ивановна. Волгоград, 1998. 64 с.
11. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
12. *Оссовецкий И. А.* Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 200 с.

13. *Поэт и Воин: воспоминания об Игоре Григорьеве*. СПб.: Политехника-сервис, 2013. 463 с.
14. *Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох* : [монография] / [сост., подгот. текстов Л. С. Соболева, О. А. Михайлова]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 650 с.
15. *Словарь русских народных говоров*. Т. 1–47. М.; Л.: Наука, 1965–2014.
16. *Словарь русского языка* : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
17. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 333 с.
18. *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 190 с.
19. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях: (к постановке проблемы). М.: Наука, 1977. 167 с.

References

1. Besperstyh, AP 2014–2015, *Slovar epitetov Igorya Grigoryeva* (Dictionary of epithets by Igor Grigoriev), vols. 1, 3, Politekhnikha-servis publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. Vinogradov, VV 1963, *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* (Stylistics. The theory of poetic words. Poetics), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
3. Golubeva, AE 2015, 'Lira yego opalena porokhom' (His lyre is singed with gunpowder), *Pskovskaya pravda*, no. 5 (25), viewed 11 September 2023, <http://pravdapskov.ru/rubric/6/12174> (In Russ.)
4. Gridneva (Trofimova), OA 2014, 'Sredstva i sposoby realizatsii semanticheskoy oppozitsii «mnogo – malo» v regional'nom folklore' (Means and ways of realization of the semantic opposition "many – little" in the regional folklore), *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, Volgograd, pp.118–121. (In Russ.)
5. Kvyatkovskiy, AP 1966, *Poeticheskii slovar* (Dictionary of Poetic Terms), Sov. entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)
6. Kirichenko, YuS 2018, 'O funktsional'nykh i semanticheskikh osobennostyakh dialektizmov v tekstakh khudozhestvennykh proizvedeniy (na materiale poemy I. Grigor'yeva «Obitel'») (Functional and semantic peculiarities of dialect and etnografizm in fiction (on the material of the poem I. Grigoriev "Resident»), *Kazan Bulletin of Young Scientists*, vol. 2, no. 4 (7), pp. 27–29. (In Russ.)
7. Kosharnaya, SA 2003, *Lingvokul'turologicheskaya rekonstruktsiya mifologicheskogo kompleksa «Chelovek – Priroda» v russkoy yazykovoy kartine mira* (Linguoculturological reconstruction of the mythological complex «Man – Nature» in the Russian language picture of the world), doctoral thesis, Belgorod. (In Russ.)
8. Kosharnaya, SA 2002, *Mif i yazyk: opyt lingvokulturologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira* (Myth and language: experience of linguistic and cultural reconstruction of the Russian mythological picture of the world), Izd-vo BGU publ, Belgorod. (In Russ.)
9. Kudryashova, RI 1998, *Spetsifika yazykovykh protsessov v dialektakh izolirovannogo tipa: na materiale donskikh kazach'ikh govorov Volgogradskoy oblasti* (The specifics of language processes in dialects of an isolated type), doctoral thesis, Volgograd. (In Russ.)
10. Yartseva, VN (ed.) 1990, *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Linguistic Encyclopedic Dictionary), Sov. entsikl publ, Moscow. (In Russ.)
11. Ossovetskiy, IA 1982, *Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov* (Vocabulary of modern Russian folk dialects), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. *Poet i Voin: vospominaniya ob Iгоре Grigor'yeve* (Poet and Warrior: memories of Igor Grigoriev) 2013, Politekhnikha-servis publ, St. Petersburg. (In Russ.)
13. Soboleva, LS & Mihajlova, OA (eds.) 2016, *Russkaya pesnya i yevropeyskiy romans v rukopisnom sbornike nachala XIX v.: emotsional'naya kul'tura na perelome epoch* (Russian Songs and the European Romance in a Manuscript from the Early 1800's : Emotional Culture in an Epochal Shift), Izd-vo Ural. un-ta publ, Ekaterinburg. (In Russ.)

14. *Slovar russkikh narodnykh govorov* (Dictionary of Russian folk dialects) 1965-2014, vols. 1-47, Nauka publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
15. Yevgenieva, AP (ed.) 1981–1984, *Slovar russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language), vol.1 – 4, AN SSSR, In-t rus. yaz publ, Moscow. (In Russ.)
16. Tomashevskiy, BV 1996, *Teoriya literatury. Poetika* (Theory of literature. Poetics), Aspekt-Press publ, Moscow. (In Russ.)
17. Toporova, TV 1994, *Semanticheskaya struktura drevnegermanskoj modeli mira* (Semantic structure of the ancient Germanic model of the world), Radiks publ, Moscow. (In Russ.)
18. Shmelev, DN 1977, *Russkiy yazyk v yego funktsional'nykh raznovidnostyakh: (k postanovke problemy)* (Russian language in its functional varieties: (to the formulation of the problem), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)

Вклад авторов:

Ковшарная С. А. – идея, выработка структуры статьи, классификация языкового материала, написание итогового варианта статьи, научное редактирование текста.

Кириченко Ю. С. – сбор материала, обработка материала, анализ научной литературы, подготовка рабочего варианта текста.

Contribution of the authors:

Svetlana A. Kosharnaya – idea, the development of the structure of the article, the classification of language material, writing the final version of the article, scientific editing of the text.

Yulia S. Kirichenko – collection of material, processing of material, analysis of scientific literature, preparation of a working version of the text.

Статья поступила в редакцию: 21.09.2023
Одобрена после рецензирования: 08.11.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 21.09.2023
Approved after reviewing: 08.11.2023
Accepted for publication: 17.11.2023